

Лучший способ не раздражать людей — это вообще не вступать с ними в контакт. Ещё в детстве Хаяма был воспитан в этом убеждении. Долгое время окружающие считали его немым. Иногда, молча, он действительно не знал, как подобрать слова.

— Наверное, благодаря этому я до сих пор косноязычен.

В его словах чувствовалась сильная доля самоиронии. Хаяма правой рукой потерял глаза, но чем больше он это делал, тем сильнее чесались уголки глаз, и остановиться было трудно.

— Не делай так, это может стать привычкой.

— ...Ты напомнил мне воспитательницу из детского сада, которая постоянно вдавливала детям основы жизни. Тогда мне это казалось назойливым, но сейчас я понимаю, что это достойно уважения.

— Возможно, при жизни я был медбратом или кем-то вроде того? Я действительно обращаю внимание на такие мелочи.

— Ты очень добрый человек. Ах, добрый дух. Мне это нравится.

На мгновение снова воцарилась тишина. Хаяма действительно чувствовал себя мастером убивать разговоры, хотя и не понимал, что на этот раз он сказал не так.

— Ммм... Слишком тяжело, ты не даёшь мне дышать, Кандзаки...!

Внезапно усилившееся давление заставило Хаяму почувствовать, будто его придавило огромным камнем. Даже открыть глаза было трудно. Что он сделал, чтобы разозлить этого духа? Хаяма немного запаниковал, пытаясь позвать виновника:

— Кан-Кандзаки—

— Прости, я слишком увлёкся.

Потребовалось время, чтобы отдышаться, Хаяма чуть не закашлялся. Чтобы не подавиться слюной, он свернулся калачиком, прижав руку к горлу, чтобы унять зуд.

— ...Увлёкся?

Кашель неизбежно вызвал слёзы, и Хаяма уже хотел их вытереть, но вспомнил, что только что говорил «не трогай глаза руками», и опустил руку, не подняв её.

— Рин, могу ли я считать это признанием?

— А?

Только сейчас он понял, что сказал. Честно говоря, Хаяма не отрицал этого, но беспокойств было ещё слишком много.

Он всё время колебался, как могут быть долгими отношения между «экзорцистом» и «привязанным к земле духом».

— Потому что я всегда любил Рина, и мне очень хотелось получить ответ... Прости, это было слишком внезапно.

— ...Тебе стоит подумать, — тихо сказал Хаяма, всё ещё не совсем пришедший в себя, его голос был немного хриплым.

На самом деле, это было предупреждение для самого себя. Услышав, что Кандзаки «всегда любил его», Хаяма чуть не потерял сознание от волнения. Не сказать, что он не был рад. Но чем сильнее эмоции, тем важнее сохранять хладнокровие.

— Субъективно, ты мне действительно нравишься — это действительно признание, не сомневайся.

Хаяма, напрягая силы, сел, опираясь на руки. После всего произошедшего он чувствовал себя немного разбитым. Его взгляд стал расфокусированным, и он смотрел в пустоту — всё равно ему не на что было смотреть.

— Ты хотел сказать... «однако»?

— Но я не могу принять эти отношения.

Для Кандзаки это, наверное, звучало жестоко. Но лучше быть честным, чем продолжать мучить друг друга.

— Прости, это просто факт. Может, если ты послушаешь дальше, поймёшь...?

Он всё же решил спросить мнение Кандзаки. В тот момент он был готов решительно отказать, но, вспомнив немного грустный тон Кандзаки, Хаяма смягчился.

— Я почти забыл, на чём мы остановились... Кажется, на «Ассоциации»? Потом отвлеклись.

— Рин...

— Я хочу, чтобы сейчас всё было спокойно... Это лучший вариант, ты понимаешь.

Почему именно сейчас он не может его видеть? Хаяма чувствовал, что всё складывается слишком уж удачно, до абсурда. Но даже если бы он видел, что бы он сделал? Оттолкнул бы его или... обнял? Последнее явно не подходило, так что лучше было оставить всё как есть.

Уговаривая другого «сохранять спокойствие», сам он был в полном смятении, в голове мелькали бессмысленные мысли. Хаяма хотел снова вздохнуть, но в этот момент показать «усталость» могло бы только усилить беспокойство Кандзаки. Поэтому он сдержал усталость, сделал вид, что всё в порядке, и включил экран телефона.

Сейчас бы сыграть в его любимую музыкальную игру — это было бы неплохо. Надеюсь, он сможет контролировать свои эмоции и не ошибётся. Иначе его маска «я спокоен» станет просто смешной.

— ...Рин, иногда мне кажется, что ты действительно жесток.

— Прости, правда прости. Может, я слишком эгоистичен, всегда думаю... о защите себя?

Чуть не промахнувшись, нажимая на иконку, Хаяма вдохнул и посмотрел на свои руки: пальцы длинные и аккуратные, кожа, благодаря его природе, была светлее, чем у большинства азиатов, и выделялась среди других. Но сейчас они слегка дрожали, и, как бы он ни старался, не мог остановить их движение по экрану.

Он вдруг начал любоваться своими пальцами, вероятно, чтобы отвлечься, но, осознав их дрожь, понял, что это не помогло.

— Кандзаки, ты раньше встречал других экзорцистов? Янасэ не в счёт.

— ...Нет.

— Вот видишь.

Понимая, что больше не может притворяться спокойным, Хаяма сдался и просто бросил телефон в сторону. Он нажал на виски, это немного помогало расслабиться, хотя и не решало проблему.

— Наша семья, наверное, исключение.

— Ээ, может, ты имел в виду «известность», говоря об этом?

Не совсем, но и не совсем ошибочно. Немного подумав, он понял, что сила их способностей только подчёркивала их исключительность, поэтому Хаяма слегка кивнул.

— Мы, наверное, единственная семья, которая придерживается идеи «мирного сосуществования с духами».

— Кандзаки, я хочу сказать, что если бы ты встретил не меня, ты бы уже не был здесь.

— Настолько серьёзно?

— Иногда я рад, что ты привязанный к земле дух. Внешний мир — это хаос, хотя я делаю вид, что не замечаю.

С возрастом он перестал вмешиваться во многие ненужные дела. Такое отношение больше подходит пожилым людям, но Хаяма чувствовал, что это приносит ему пользу, по крайней мере, жизнь стала спокойнее.

— Несколько лет назад в Ассоциации экзорцистов начались разногласия.

— Я не знаю, в чём была причина — тогда мне было всего восемь или девять лет, но в итоге нашу семью признали виновной, и если бы мне не было ещё десяти, я бы не выжил.

— Рин... Может, не стоит говорить об этом?

Хаяма улыбнулся и медленно произнёс:

— Ты думаешь, мне будет неприятно, поэтому не спрашиваешь?

— Конечно, — голос Кандзаки внезапно стал ближе, как будто он говорил прямо в ухо.

Хаяма махнул рукой, не важно, попал ли он в цель, главное — он показал, что не хочет продолжать.

— Сколько раз я говорил, если бы я действительно не хотел говорить, я бы не сказал ни слова.

Немного помолчав, чтобы дать мозгу отдохнуть, Хаяма подумал, как далеко зайти в разговоре.

Он был слишком увлечён эмоциями и не заметил, что в комнате стало душно. Наверное, из-за дождя. Прислушавшись, он понял, что дождь за окном стих, поэтому его раньше не замечал. Но, судя по календарю, в эти дни обычно идут ливни, и в любой момент может начаться снова.

— Именно потому, что ты мне важен, я и говорю. Я думаю, если всё объяснить, нам обоим будет легче... Прости, я просто ищу оправдания своему беспокойству.

— Рин.

Кандзаки просто назвал его имя и ничего больше не добавил.

Хаяма самокритично улыбнулся:

— Наверное, я слишком труслив, чтобы даже назвать тебе свою фамилию.

— Точно так же... Рин не знает моего имени.

— Ха.

Неожиданно они оказались очень похожи. Это чувство было не таким уж плохим. Если бы можно было как-то развить это, было бы здорово. Но это слишком фантастично, не говоря уже о разнице между жизнью и смертью, Хаяма ведь всего лишь студент, и эту комнату он рано или поздно покинет. И тогда Кандзаки не сможет уйти с ним.

Для обычного человека ставить «жизнь и смерть» наравне с «возможностью жить вместе» может быть непонятно, но для Хаямы это было вполне логично.

<http://bllate.org/book/16196/1453336>